

Моисей: О, горе! горе! горе намъ! онъ здѣсь былъ,
 Раввинъ принесъ мнѣ доказательства... я вѣрю,
 Что онъ мой сынъ! я спасъ... онъ спасъ меня...
 И онъ погибнуть долженъ... Не спасишь
 Ему вторично отъ руки злодѣевъ...
 Нозми! горе, горе для тебя!
 Фернандо—братъ твой!
 Испанецъ—братъ твой!
 Онъ гибнетъ; онъ родился, чтобъ погибнуть.
 Для насъ!.. онъ христіанинъ!.. онъ твой братъ!
 (Нозми упадаетъ безъ чувствъ на полъ. Сара спѣ-
 шить къ ней).
 Пускай умретъ и дочь, и я!.. у Бога
 Моехъ отцовъ нѣтъ жалости... мой сынъ! мой
 сынъ!
 (Ломаетъ руки и стоитъ недвижимъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

(Въ домѣ Соррини. На столѣ бумаги, книги и песочные часы).

Соррини (входитъ): Сегодня, можетъ быть, увижу я мою красавицу. Мою! зачѣмъ же нѣтъ? Она мол, такъ вѣрно, какъ я плутъ. Когда я самъ съ собою, то никакъ себя я не щажу. Зачѣмъ? Я плутъ, я это знаю самъ, зачѣмъ скрываться передъ собой? Я плутъ, но умный плутъ. Да впрочемъ я не вижу тутъ худого; Я сотворенъ чтобъ жить и наслаждаться, и всѣми средствами я долженъ достигать Предположенной цѣли. Я достигъ—и умный человѣкъ; не удалось—глупецъ! Такъ судятъ люди, большей частью. Великій инквизиторъ общалъ у нашего отца святаго выпросить мнѣ шанку кардинала, если я явлюсь ея достойнымъ, то есть, обманывать и лицефрить научусь. О, это важная наука въ мірѣ! Наука женщинъ! съ нею прямо въ папы! И этому есть доказательства у насъ. (Молчаніе). Вѣрховный путь отправленъ ужъ Фернандо. Одинокъ лишь Алварецъ—да тотъ плохъ! О, бѣдная Эмилиа, давно ли сказала ты, что старику смѣшно любить и невозможно?.. Но сегодня Ты мысли переменяешь... (Садится).

Говорятъ, что женщины должны быть неприступны для нашего сословія, что законъ велитъ... Ужель законъ въ сей толстой книгѣ Сильнѣй закона всякаго природы? Безумецъ тотъ, кто думалъ удержатъ ничтожнымъ правиломъ, постановленнымъ

Движеніе природы человѣка; Онъ этимъ увеличилъ грѣхъ—и только; Далъ лишній совѣсти укоръ, и между тѣмъ Желаніе усилилъ запрещеніемъ. Постриженъ былъ насильно я въ монахи; Почти насильно (въ пылкой юности Не можемъ понимать мы важной пользы); Пускай, пускай они за все отвѣтятъ, Что сдѣлалъ я; пускай въ адъ горятъ Они... но что такое адъ и рай. Когда металлъ, въ землѣ отрытый, можетъ Спасти отъ перваго, купить другой? Не для толпы ль доверчивой, слѣпой, Сочинена такая сказка? Я увѣренъ, Что проповѣдники объ раѣ и объ адѣ Не вѣрятъ ни въ награды рая, Ни въ тяжкія мученья преисподней. Да, впрочемъ, добрый смыслъ велитъ невѣ- Что души будетъ вѣчный жечь огонь; Грѣтъ, Что черти за ноги повѣсятъ тѣхъ, Которые ни рукъ, ни ногъ имѣтъ не будутъ. (Беретъ книгу, перо и бумагу).

Займусь! (кладетъ). Нѣтъ, что-то я не въ духѣ Кто бы повѣрилъ, что въ мои лѣта Хорошенькой дѣвочки ожиданье Могло смущать, тревожить, беспокоить? Я все не понимаю, для чего мнѣ не годится женщину любить; Какъ будто бы монахъ не человѣкъ! (Смол- рить на часы).

Часы бѣгутъ—и съ ними время, вѣчность, Коль есть она, все ближе къ намъ, и жизнь, Какъ дерево, отъ путника уходитъ. Я жилъ!—Зачѣмъ я жилъ?—Ужели нуженъ Я Богу, чтобъ пренебрегать его законы? Ужели безъ меня другой бы не нашелся? Я жилъ, чтобъ наслаждаться, наслаждался— Чтобъ умереть... умру... а послѣ смерти Исчезну! какъ же?.. да, совсѣмъ исчезну... Но если есть другая жизнь?.. нѣтъ! нѣтъ!.. О, наслажденіе! я твой рабъ, твой господинъ!

(Звонитъ; слуга входитъ).

Не забудь, что я тебѣ сказалъ: Когда подѣдутъ близко удалыцы Мои, то киньтесь вы съ оружіемъ толпой, И, будто бы освободивши силой, Ее сюда скорѣ приведите... Да чуръ не забывать, что вы безъ языковъ, А то... меня... меня ты знаешь коротко! Возьми жъ себѣ заранѣ награду (дастъ ко- П раздѣли другимъ... Ступай же. (шепчетъ). (Слуга беретъ кошель и плѣчетъ руку).

Слуга: Все исполню

Соррини (подходить къ окну). Да, кажется, я вижу ниль, ужели Они спроворили все дѣло? Донна Марія лагома на жемчугъ, Какъ видно; впрочемъ ей мѣшала Моя красавица, какъ лишнее бревно Въ строеніи дома; самъ его не данъ,